

Т.Г. Емельяненко
Экспозиция 1937 года
«Узбеки в прошлом и настоящем»
в Государственном музее этнографии

Емельяненко Татьяна Григорьевна, Российский этнографический музей (С.-Петербург), отдел этнографии Средней Азии и Кавказа, ведущий научный сотрудник, доктор исторических наук; rem.tatyana@mail.ru

В докладе на примере экспозиции, посвященной культуре узбеков, рассматриваются концептуальные и идеологические подходы к структуре и содержанию экспозиций в Государственном музее этнографии в 1930-е гг. Особое внимание уделяется показу преобразований советского периода, что не только соответствовало требованиям государственной политики в области этнографического музееведения, но и являлось откликом на повышенный интерес общества того времени к процессам и явлениям современной жизни.

Ключевые слова: узбеки, музееведение, Государственный музей этнографии, Российский этнографический музей.

Для Государственного музея этнографии (ныне Российский этнографический музей, РЭМ) 1930-е гг. стали временем активного строительства экспозиций и одновременно выработки концептуальных идеологических принципов их содержания. Если в предшествующий период основное внимание уделялось созданию временных выставок, посвященных традиционно-бытовой культуре отдельных народов, то начиная с 1920-х гг. и такие выставки, и постоянные экспозиции должны были включать социально-классовые аспекты и строиться на противопоставлении негативных явлений дореволюционного прошлого и позитивных современных.

Данный подход нашел отражение не только в содержании, но и в названии экспозиций, в частности, посвященных народам Средней Азии, которые предполагалось открыть в 1930-х гг.: «Узбеки в прошлом и настоящем», «Туркмены в прошлом и настоящем» и «Киргизы в прошлом и настоящем». Новые принципы экспозиционно-выставочного строительства планировалось опро-

бовать на выставке «Ковровые изделия народов Средней Азии» (1935 г.), где наряду с показом старинных произведений ковроткачества (как отдельных предметов, так и в сценах убранства оседлого жилища, юрты и др.), уникальной коллекцией которых располагал музей, — предполагалось демонстрировать изделия современных мастеров: ковровые портреты советских лидеров, сюжетные изображения, а также ввести раздел, рассказывающий как о новых формах организации труда ковровщиц, так и бытовании ковровых изделий¹. При этом традиционное искусство в экспликациях должно было преподноситься как искусство «упадка колониального периода», которое в «советской Средней Азии вновь достигло совершенства»². Однако такое противопоставление по каким-то причинам не сделали, так как в статье, опубликованной в «Красной газете» от 2 августа 1935 г. под заголовком «Лавка древностей», автор подверг выставку резкой критике прежде всего за то, что на ней не было ни одного «современного образца», и сравнил ее с комиссионным магазином³. Автор также ссылается на мнение посетителей, которые «не слишком жалуют ковровую выставку»⁴. Подобная оценка выставки и представленных на ней высокохудожественных произведений среднеазиатского ковроткачества, имеющих сегодня мировое значение, могла бы показаться по меньшей мере странной и не объективной. Однако, в действительности она демонстрировала сложившееся в то время в обществе отношение к традиционной народной культуре как к пережитку прошлого и, напротив, демонстрировала повышенный интерес к явлениям современной жизни. Это нашло отражение и в концепции будущих экспозиций, и в восприятии их посетителями музея.

Так, экспозиция по узбекам должна была состоять из трех основных отделов: феодальный период, национально-освободительное и революционное движение, социалистическое строительство. Первый отдел был построен уже в 1935 г. Экспонатов для него в музее было достаточно. Прежде всего это коллекции, собранные С. М. Дудиным во время экспедиций 1900–1902 гг., в которых только по этнографии узбеков насчитывалось более двух тысяч предметов, отражающих буквально все стороны их традиционно-бытовой культуры: основные и подсобные занятия, ремесла, одежду, убранство жилища, религиозные воззрения, праздники и обряды⁵. Кроме того, в 1920-х гг. собрание музея значительно пополнилось благодаря передаче из Государственного музейного фонда предметов из национализированных частных и дворцовых собраний Петербурга. Необходимо было только представить их на экспозиции в нужном идеологическом ракур-

се, что осуществлялось главным образом за счет текстов экспликаций. Например, в первом разделе одна из обстановочных сцен жилища с манекенами женщины и девочки сопровождалась экспликацией об угнетенном положении женщины, другая сцена с манекенами бая, муллы, крестьянина и слуги-раба – экспликацией об издольщине (оплате арендованной земли долей урожая) как форме эксплуатации, о распространении рабства. Завершала раздел цитата В.И. Ленина⁶. В других разделах, освещающих ремесло и городскую культуру, религиозный культ, в экспликациях также развивалась тема эксплуатации простого народа баями и муллами, классового неравенства и т.п.⁷ Однако, несмотря на соответствующее идеологическое текстовое оснащение экспозиции, в 1935 г. она не была принята комиссией «Массового отдела» (Отдела массовой политико-культурно-просветительной работы – Т.Е.) Ленсовета, которая посчитала, что открывать ее для посетителей нельзя, «пока не будут построены остальные разделы комплекса»⁸. Лишь в 1936 г. после обращения директора музея в Ленинградский городской комитет ВКП(б) с письмом, в котором, в частности, говорилось о том, что экспозиция получила одобрение специалистов и высокую оценку в узбекской прессе, что «в музей поступают многочисленные требования рабочих и школьных экскурсий» об ее открытии, чтобы она стала доступна для посетителей музея⁹.

Работа же над двумя остальными отделами экспозиции продолжалась. Они должны были основываться преимущественно на документальных и иллюстративных материалах, сбор которых осуществлялся с 1931 г. Значительная часть фотографий была получена из Узбекистана. Так, музею были переданы более 60 фотографий материалов, демонстрировавшихся на выставке в Ташкенте (1931 г.), посвященной национально-освободительному восстанию 1916 г. в Средней Азии: снимки участников восстания и администрации городов и кишлаков, а также деклараций, воззваний, публикаций в местных газетах (РЭМ, кол. 5436). Фотоотпечатки материалов, иллюстрирующих это восстание, а также Андижанское восстание 1898 г. против российских властей, поступили из Кокандского межрайонного музея, где экспонировались на передвижной выставке (РЭМ, кол. 5325). В политотделе узбекской бригады в Самарканде сотрудники музея закупили более 170 снимков, отражающих борьбу с басмачеством, организацию местных военных подразделений, историю Кокандской автономной республики (1918 г.) и т.п. (РЭМ, кол. 5370). Десятки фотографий, иллюстрирующих развитие местной промышленности, успехи сельского хозяйства, образование, современное

строительство, портреты ударников и передовиков производства, музей приобрел в редакциях газеты «Правда Востока» в Ташкенте и журнала «СССР на стройке», в Агентстве печати «Новости», а также получил из Фотохроники ТАСС (РЭМ, кол. 5380, 5395, 5396, 5398, 5476 и др.). Значительное место на экспозиции отводилось также диаграммам, схемам, статистическим данным и макетам (например, хлопкового поля, земледопользования, «красной чайхань» и др.).

Обсуждение тематического плана новых отделов экспозиции состоялось 13 февраля 1936 г. на совещании в дирекции, в котором приняли участие 20 сотрудников музея и два художника. Основное внимание было уделено отделу «Советское строительство». Замечания касались как технического и художественного оформления, так и содержания разделов, например, предлагали расширить темы промышленности и культурной революции, добавить цитаты из классиков марксизма-ленинизма. В итоге тематический план был принят с пожеланием учесть замечания¹⁰.

К ноябрю 1937 г. строительство было завершено, и 23 ноября комиссия, детально осмотрев каждый тематический раздел экспозиции, приняла решение открыть ее для посетителей уже на следующий день¹¹. Примечательно, что, судя по Книге отзывов¹², посетители в целом высоко оценили экспозицию «Узбеки в прошлом и настоящем», но особый интерес вызвали у них именно два последних отдела, а не уникальные артефакты первого, о которых в отзывах вообще не упоминается. Таким образом, экспозиция не только отражала идеологическую концепцию государства, но и соответствовала общественному запросу того времени.

¹ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 527.

² Там же. Л. 5.

³ Там же. Л. 26.

⁴ Там же.

⁵ Отчет С. М. Дудина о поездках в Среднюю Азию в 1900–1902 гг./Подгот. текста, вст. ст. и примеч. Т. Г. Емельяненко. М.: Фонд Марджани, 2021.

⁶ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 583. Л. 2–3.

⁷ Там же. Л. 4–7.

⁸ Там же. Д. 560. Л. 3об.

⁹ Там же. Л. 3, 3об.

¹⁰ Там же. Л. 1–2об.

¹¹ Там же. Д. 613. Л. 8–16.

¹² Там же. Д. 639

T. G. Emelyanenko

“The Uzbek People: Past and Present”,
the 1937 Exposition in The State
Museum of Ethnography

Emelyanenko Tatyana Grigoryevna, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Ethnography of the Central Asia and Caucasus, leading researcher, D. Sc. (History); rem. tatyana@mail.ru

As a case study of an exposition focused on the Uzbek culture, the paper deals with conceptual and ideological approaches to expositions structure and content in The State Museum of Ethnography in the 1930s. The author pays particular attention to the displays focused on the soviet period reforms, which were not only in line with the government policy requirements to the ethnography museums but were also a response to the popular interest toward processes and phenomena of the modern life in that time.

Keywords: the Uzbeks, museum studies, The State Museum of Ethnography, The Russian Museum of Ethnography.